

ТЕЗАУРУСЫ И СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО

Вал. А. Луков

Институт гуманитарных исследований, Московского гуманитарного университета

Thesauruses and Net Society

Val. A. Lukov

Institute of Humanitarian Researches, Moscow University for the Humanities

В статье тезаурусная концепция, развиваемая в ряде работ автора (см. Вестник Русской секции МАН. 2006. №1), применена для осмысления новых феноменов организации гуманитарного знания, в которой все большую роль начинает играть влияние сетевого общества.

In this article the thesaurus concept that is being developed in a number of the author's works (see: Herald of the Russian Section of the IAS. 2006. №1) is applied to interpretation of new phenomena of the humanitarian knowledge organization, in which the impact of net society is playing the enhanced role more and more.

В наиболее общем виде тезаурус может быть определен как полный систематизированный свод основных социальных субъектов знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни. Тезаурусы, таким образом, представляют собой субъектно организованное гуманитарное знание.

Основной смысл тезауруса состоит в обеспечении взаимодействия и взаимосодействия (термин П. К. Анохина) субъекта и окружающей среды. Это своего рода вестибулярный аппарат, поддерживающий равновесие, но на социальном уровне жизнедеятельности человека и человеческих общностей разного масштаба. Когда мы говорим о тезаурусе как полном систематическом знании, то и имеем в виду прежде всего то, что по своему происхождению всякое знание обладает ориентационным назначением и только по мере развития человека и общества, нарастания социальных связей, разделения труда и других процессов усложнения социальной и культурной жизни это назначение перестало быть повсеместно заметным на поверхности, приобрело некоторую автономию от субъекта и его задачи биологического выживания, наконец, обрело характер отчуждения, которое, как известно, имеет и аспект враждебности человеку.

Мы характеризуем тезаурус как ориентационный комплекс, учитывая, что знания в нем отличаются от информационных импульсов из внешней среды: они, во-первых, переструктурированы в рамках тезауруса так, чтобы наилучшим образом выполнять ориентационные функции в интересах субъекта (мы ниже покажем, что это переструктурирование идет по основанию

«свой-чужой-чуждый»), во-вторых, они приобретают свое свойство ориентировать субъекта в его ближнем и дальнем окружении в соединении с пониманием и умением как фундаментальными свойствами человеческого поведения.

Разумеется, было бы неточным представление, что ныне идет только накопление информации, а в некоем завтра она будет осмысливаться, станет предметом понимания. Очевидно, что понимание — актуальная задача для любой эпохи, любой территории, любого состояния общества и культуры. Однако мы привлекаем внимание к перспективе качественного изменения назначения понимания в ориентации человека и человеческих сообществ будущего. Эти перемены пророчески увидел В. И. Вернадский: «Человек впервые реально понял, что он житель планеты и может — должен мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государства или их союзов, но и в планетарном масштабе» [1]. Продолжая эту мысль Вернадского, ученые наших дней, уже опираясь на новейшие исследования (в частности, медико-биологические), утверждают, что прорыв человека в информационную сферу в XX веке — лишь начало движения к распознаванию сущности информационного поля земли и космоса. Подчеркивая это, К. В. Судаков утверждает: «Развитие человеческого общества неуклонно движется от генетического способа передачи наследственной информации к обогащению информационных голографических экранов больших космических систем — созданию космического хранилища общественного и индивидуального знания — Космического разума» [2]. Именно в преддверии таких изменений можно говорить о приближающихся временах приоритета понимания в отношении знания в узком смысле слова.

Новое диктуется и меняющейся социокультурной средой, где веками поддерживаемые и определявшие культурные константы социального проектирования реальности иерархические отношения людей перестают быть доминантными, отходят в тень. Что же вытесняет их образ на периферию «картины мира»? Можно констатировать, что иерархический строй знаний, хотя и основополагающий для тезауруса, имеет в известном смысле альтернативу, которую мы обозначаем как сетевой строй тезаурусных конструкций.

Сетями принято называть открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов с теми же коммуникационными кодами [3]. Сетевой принцип построения систем стал актуален в период становления Интернета и, кроме обеспечения практической задачи децентрализованного управления информационными потоками и отказа от иерархической зависимости периферии от центра, оказался эвристичен для понимания современного общества. В аспекте тезаурусной концепции это обстоятельство нельзя обойти вниманием, поскольку тип общества и доминирующих отношений в нем не может не сказываться и на структуре тезауруса, способах и формах его организации. Сегодня актуален вопрос о формирующемся сетевом обществе.

Сетевое общество — новое понятие науки для нового явления в жизни. Впервые термин «сетевое общество» (*network society*) применил для рассмотрения особенностей современной социальной жизни известный социолог Мануэль Кастельс в своей книге «*The Rise of the Network Society*», вышедшей в 1996 г. [4]. Сетевое общество (сеть) — это множество взаимосвязанных узлов, а узлы — это точки, в которых петли взаимно пересекаются. Сети — старая форма социальной организации, но теперь они усилены информационными технологиями и существенно изменились: они стали информационными сетями. В отличие от иерархических структур, сети подвижны, они легко адаптируются к внешней среде, способны развиваться вместе со своим окружением и эволюцией узлов, которые составляют сети. Но поскольку они не координируются из единого центра, им труднее сосредоточивать ресурсы на определенной цели. Недостаток координации компенсируется интерактивностью и поддержанием образцов внутри сети [5]. По Кастельсу, принадлежность или отсутствие принадлежности к сети, конкуренция сетей становятся источниками власти и перемен в обществе. Социальная морфология (иными словами, структурная сторона общества) при сетевой организации доминирует над социальным действием.

Понятие, введенное Кастельсом немногим более 10 лет назад, сразу прижилось, и это не удивительно: Интернет сделал коммуникативную сеть настолько зримой, что идея сетевого общества буквально витала в воздухе. Однако далеко не все пошло вслед за Кастельсом в трактовке сетей, многие увидели в них новую напасть. В некоторых случаях теории лишь констатирова-

ли переход к новой организации социальных связей, более эффективной в ряде прикладных областей. Например, по сетевому принципу стал строиться маркетинг в сфере непосредственной реализации. Выявились положительные стороны сетевого подхода в сфере защиты прав человека, гражданского контроля и участия, дистантного образования и т. д. Некоторые видные ученые стали связывать свои личные научные достижения с принадлежностью к сети — определенному научному сообществу [6].

В итоге сетевой принцип стал осмысливаться как универсальный. Применительно к обществу — еще и прогрессивный: «Социальная структура, имеющая сетевую основу, характеризуется высокой динамичностью и открыта для инноваций, не рискуя потерять свою сбалансированность. Сети становятся институтами, способствующими развитию целого ряда областей: капиталистической экономики, управления, информатизации и др. Одновременно морфология сетей выступает в качестве источника далеко идущей перестройки отношений власти, демократического контроля и участия и формирования электронного управления (*e-government*). Таким образом, можно говорить о том, что новые экономические формы строятся вокруг глобальных сетевых структур капитала, управления и информации, а осуществляемый через такие структуры доступ к технологическим умениям и знаниям составляет в настоящее время основу производительности и конкурентоспособности» [3].

Эта характеристика сетевой теории в основном ориентирована на специфику экономических отношений, но обнаружение в сетях универсальности позволяет применить тот же подход к трактовке нового состояния и новых возможностей общества как целого. Посмотрим на общество в его повседневности, иначе говоря, в таком его состоянии, когда общество меньше всего можно рассмотреть, а перед нами череда ежедневных событий, часто рутинных и не замечаемых. Вообще-то мы видим в этот момент не общество (то есть не устойчивые связи людей, определяемые их местом в системе производства и распределения), а какие-то группы и скопления. Но достаточно набросить на случайные впечатления сетевую теорию, как мы увидим перемещающиеся фрагменты человеческих общностей разного масштаба и степени сплоченности. Броуново движение людей, каковым кажутся перемещения человеческих тел с верхних этажей высотного здания, приобретет смысл, как только мы выявим и разделим связывающие их сети.

Главный наш вывод: сетевое построение социальных связей одновременно означает, что иерархия, какую олицетворяет государственная власть, занимает в обществе не так уж много места, горизонтальные связи людей в сетях, к которым они принадлежат, оказываются гораздо более продуктивными и интенсивными. Это несколько иной взгляд на сеть, нежели у Кастельса, который подчеркивает жесткость сетей, их нацелен-

ность на обеспечение «власти структуры». Такое свойство у сетей, конечно, есть, и оно хорошо видно в «командах», ведущих к успехам свои предприятия. Но для нас важнее сейчас такие свойства сетей, как относительная автономность, интерактивность, неформальность, децентрализованность.

Сети могут существовать автономно, то есть не нуждаться во взаимодействии с другими сетями путем сужения своего пространства или ущемления интересов своих участников. В известной мере и в известных пределах сеть самодостаточна.

Интерактивность в сети означает возможность всем участникам получать, отбирать, интерпретировать, реструктурировать и сообщать другим участникам ту или иную информацию. Сети позволяют использовать интерактивность в качестве инструмента социального контроля, что слабо достижимо в иерархических системах.

Сети, разумеется, могут быть формальными, но нас интересует сейчас их принципиальная способность быть неформальными. Что это в данном случае означает? Отсутствие предварительных правил, которые не вырабатываются и не могут быть изменены участниками сети. Иными словами, правила взаимодействия в сети конвенциональны и подвижны. Это делает сетевой принцип организации очень близким к задачам гражданского общества.

Наконец, децентрализованность. Это свойство сетей позволяет им быть устойчивыми перед ситуацией обезглавливания системы, которая для иерархических систем убийственна. Поскольку сети могут не иметь единого управляющего центра (такова и сеть Интернета), они удерживают сильные нагрузки и справляются с рисками в условиях неопределенности.

Сетевой принцип, в силу его универсальности, может быть успешно применен к осмыслению структуры тезауруса. Но сразу надо отказаться от того, что это аналог сетевого общества, каким его видит Кастельс и сторонники сетевой теории. Сетевое общество — лишь идеальный тип, позволяющий для аналитических целей выдвинуть на первый план одни черты, игнорируя другие. Сети только по видимости противостоят иерархии как принципу организации общества, они реализуют этот принцип в других формах, нежели традиционная пирамида власти.

В еще большей мере сетевая теория требует коррекции, когда мы переходим в сферу организации знаний в тезаурусе. Ценностные императивы не позволяют знанию, накапливаемому в тезаурусе, освободиться от иерархии предпочтений. И в то же время тезаурус — слишком сложная система знаний, чтобы управление ею и ее жизнедеятельность могли строиться безальтернативно на каком-то одном основании. Сетевой способ связи информационных массивов оказывается в этом случае необходимым дополнением — своего рода контрфорсом к бастиону иерархии.

Практически это означает, во-первых, преодоление недифференцированности своего. Свое даже в не-

посредственной близости от ядра тезауруса достаточно разнообразно, нередко противоречиво и связано с воздействием разных социальных общностей и культурных сред. Во-вторых, сетевые отношения — тем, что канализируют поступающую субъекту информацию, — сужают ее многообразие, снижают степень неопределенности, сопровождают ориентирующей оценкой и таким образом принимают на себя значительную часть функций защитных механизмов.

Не обязательно во времена тотальной иерархии в социальной жизни будет действовать преимущественно иерархический строй тезаурусов и, напротив, во времена утверждения сетевого общества и в тезаурусах приоритет перейдет к сетям. Нередко происходит как раз наоборот, и во времена «разгула сетей» значительная часть людей закрепляют в своих тезаурусах четкую ценностную иерархию, прежде всего религиозную (исламский фундаментализм, православное праведничество и т. п.). Здесь нет какого-то одного правила, что совершенно естественно в периоды аномии в обществе и культуре.

В конечном счете иерархический строй тезауруса будет в любых социальных и культурных условиях определять удержание и реструктурирование ядра тезауруса — картины мира, а сетевой строй будет обслуживать многообразие интересов субъекта, не препятствуя их ценностной ревизии. На сочетании этих двух принципов строительства тезаурусов и возникают тезаурусные генерализации.

Тезаурусной генерализацией мы называем ту часть тезауруса, которая активизирована субъектом в актуальной жизненной ситуации. Это не тот или иной фрагмент тезауруса, а целостность, «тезаурус на данный случай», в котором могут соединиться концепты и тезаурусные конструкции, освоенные в разное время и в разных обстоятельствах. В рамках неактуализированного тезауруса они могут находиться в разных местах тезаурусной иерархии или тезаурусных сетей, здесь же они оказываются на передовой позиции вместе и образуют временный союз.

Впрочем, временные рамки такого союза могут быть достаточно широкими. Не имеет значения, активизируется ли часть тезауруса для решения задачи краткосрочной или связанной с достаточно удаленными от сегодняшнего дня жизненными планами, — важно, что это связано с актуальной для субъекта задачей.

По тезаурусным генерализациям, как правило, можно судить о тезаурусе в целом, поскольку общий строй тезаурусной генерализации в норме не может быть иным, нежели представлен в тезаурусе. Однако имеются ситуации, когда это не так.

Для отделения тезаурусной генерализации от тезауруса и даже противопоставления ей имеет значение ситуация социальной и культурной аномии. При утере в обществе ясной ориентации на те или иные ценности и невозможности для субъекта опереться на ценностные императивы общества тезаурусная генерализация

может, иногда неожиданно для субъекта, развернуться на 180 градусов по отношению к базовым представлениям о своем, чужом и чуждом. Здесь возникают феномены ренегатства, ереси, отступничества и т. п.

Близка к этой ситуации и ситуация личного ценностного кризиса, которая создает аномиию на индивидуальном уровне. Показателен в этом отношении феномен ре-сентимента, концептуально осмысленный Максом Шелером как объяснение переворотов в ценностях [7].

Следует также выделить ситуацию осложнения связи тезауруса и тезаурусной генерализации, вытекающую из особенностей социализации в период молодости. У молодого человека в его активе может находиться одновременно несколько тезаурусных генерализаций. Они относительно автономны друг от друга, хотя частично пересекаются, и нужны для решения задач — в молодости часто экспериментальных — в разных социальных и культурных кругах. Иногда различия тезаурусных генерализаций у молодых людей так велики, что можно говорить о наличии параллельных тезаурусов. В зависимости от ситуаций, а в юности их смена происходит нередко очень динамично, актуализируется та или иная тезаурусная генерализация, наиболее подходящая

для данного случая. С возрастом такая мобильность в смене больших тезаурусных образований становится все менее возможной и выпадает из разряда нормы.

Как способ осуществления нормативно-ценностной системы через наличное знание тезаурус обладает относительной устойчивостью, которая подвергается разрушительному воздействию со стороны тех же сил и факторов, которые подрывают устойчивость ценностных ориентаций.

Итак, стройность иерархической структуры тезауруса сегодня в гораздо большей степени подрывается сетевыми отношениями людей и сообществ, чем раньше, в «доинтернетную эру». Совмещение разных тезаурусных генерализаций свидетельствует о расширении внутрилличностного диалога и даже конфронтаций, которые отражают расширение возможности пребывать одновременно в нескольких социальных сетях, не регламентированных основными социально-классовыми, или клановыми, или кастовыми и т. п. границами. Этот феномен заслуживает особенного внимания в системе образования, которая по-прежнему зиждется на иерархической модели как в содержании знания, так и в формах его передачи от поколения к поколению, а

Литература

1. Вернадский В. И. Размышления натуралиста: Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1977. С. 191.
2. Судаков К. В. Системокванты — основа голографического построения живых существ // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2007. №2. С. 11.
3. Мальковская И. А. Сетевое общество // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2003. С. 914.
4. Castells M. The Rise of the Network Society. Malden (Ma.). Oxford, 1996.
5. Castells M. Materials for an exploratory theory of network society // Brit. J. of Soc. 2000. N 51. P. 5—24.
6. Интервью с профессором Рэндаллом Коллинзом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. №1. С. 15.
7. Луков Вал. А. Историческая психология: возможности тезаурусного подхода (взгляд методолога) // Историческая психология: предмет, структура и методы / Под ред. А. А. Королева. М.: Изд-во Моск. гуманит. университета, 2004. С. 88—103.

**На сайте Русской секции Международной академии наук (www.rsias.ru)
в разделе «Публикации членов РС МАН» представлена книга
Новикова Ю. Ю. «Первый российский Нобелевский лауреат Иван Петрович Павлов
(посвящается 100-летию присуждения И. П. Павлову Нобелевской премии)».
М.: Компания Спутник+, 2005. — 92 с.**

В научно-популярном издании рассмотрены основные этапы жизни и творческой деятельности И. П. Павлова, его исключительный вклад в развитие физиологии и медицины, в борьбу за мир, а также его общественные взгляды. Освещены его научные результаты, в т. ч., определившие получение Нобелевской премии. Описаны этапы становления и развития школы И. П. Павлова — крупнейшей в мире научной школы. Рассмотрены вопросы, связанные с интерпретацией Павловского учения после его смерти.

Данная работа предназначена для студентов медицинских и других вузов, стажёров-исследователей, аспирантов и широких кругов читателей, интересующихся жизнью, деятельностью и творчеством нашего великого соотечественника — И. П. Павлова.